

Суевѣрные средства, употребляемые крестьянами для открытія преступленій и преступниковъ.

Кто долго жилъ въ деревнѣ и присматривался къ жизни крестьянъ, тотъ знаетъ, какъ народъ нашъ еще суевѣренъ, особенно въ глухихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ судоходныхъ рѣкъ, большихъ трактовъ, гдѣ еще грамотность является рѣдкостью.

Я не буду здѣсь касаться суевѣрій вообще, а только приведу нѣсколько примѣровъ, когда суевѣрія играютъ большую роль при отыскиваніи преступленій.

Одинъ изъ распространенныхъ способовъ, когда нужно отыскать вора и вмѣстѣ съ тѣмъ наказать его, есть «вмазываніе въ чело». Случилась, напримѣръ, кража, которую законными способами, какъ обыски, допросы,—открыть не удалось; тогда прибѣгаютъ къ «вмазыванію въ чело». Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Украли, напримѣръ, у крестьянина шубу. Тогда онъ беретъ небольшой кусокъ овчины — шубный доскутъ — и вмазываетъ его въ устье русской печи. Когда печь топится, то жаромъ, идущимъ изъ нея, начинаетъ вмазанный доскутъ коробить, а потомъ онъ тлѣетъ и сгораетъ. Вора, по мнѣнію потерпѣвшихъ, точно также будетъ коробить, сводить судорогами, а потомъ онъ зачахнетъ, захирѣетъ и можетъ помереть или на вѣкъ остается хилымъ и неспособнымъ ни къ какому труду, т. е. дѣлается живыми мощами. Если украденъ халатъ, въ чело вмазываютъ небольшой кусокъ полотна; унесли хлѣбъ въ зернѣ, вмазываютъ горсть однородныхъ зеренъ и т. д.

Для совершенія процесса приглашаютъ знахари или колдунью, которые производятъ это торжественно, съ нашептываніями и наговорами, въ родѣ слѣдующаго: «пусть нечистая сила корчитъ и морщитъ вора, какъ тлѣетъ и неелѣетъ этотъ халатъ или овчина». Дѣлаютъ это не секретно, а чтобы всѣ знали, особенно подозрѣваемый. По глубокому убѣжденію крестьянъ, воръ обязательно будетъ корчиться.

Я не буду вдаваться въ психологическія объясненія этого явленія, но могу завѣрить, что на нѣкоторыхъ впечатлительныхъ и суевѣрныхъ людей, совершившихъ кражу, вмазываніе производитъ такое удручающее дѣйствіе, что они дѣйствительно сильно мучатся и душевно и физически.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной деревнѣ нашей мѣстности случилась довольно крупная кража: у зажиточнаго крестьянина унесли 500 руб., всѣ его деньги, скопленные дѣдомъ и отцомъ потерпѣвшаго. Сильное подозрѣніе пало на соседа, молодого и здороваго мужика; но прямыхъ уликъ не было. Тогда потерпѣвшій рѣшилъ вмазать подозрѣваемаго въ чело. Вмазали рублевую бумажку. Операцию производилъ знахарь съ наговорами. Подозрѣваемый зналъ объ этомъ и сильно безконился. Съ того времени онъ сталъ хирѣть. Ничего особеннаго не болить, а чахнетъ. Ни къ какимъ крестьянскимъ работамъ онъ и теперь неспособенъ.

Въ дер. П. Уломской волости 10 лѣтъ тому назадъ совершилась кража. У женщины вдовы изъ амбара въ закомѣ украли 2 мѣшка ржи. Во ржи у ней были спрятаны деньги, рублей 10, и онѣ вмѣстѣ съ рожью были украдены. Рожь и деньги укралъ сосѣдъ, парень женихъ, и прогулялъ ихъ вмѣстѣ съ товарищами. Такъ какъ кража была совершена со взломомъ замка, то слѣдствіе производилъ судебный слѣдователь. Всѣ сосѣди хорошо знали вора: но, боясь мести съ его стороны, никто не доказывалъ. Такъ слѣдствіе ничего и не могло добиться. Тогда потерпѣвшая стала стращать вора, что она его вмажетъ въ чело. Она готова была поступиться рожью, только деньги просила возвратить. Тотъ, пожалуй, и готовъ былъ бы отдать ихъ, но деньги были прогуляны. Такъ показывалъ онъ потомъ на судѣ. «А вотъ я тебя вмажу въ чело, такъ будешь помнить!» пригрозила потерпѣвшая. «Кто кого прежде вмажетъ!» отвѣтилъ парень. Черезъ нѣсколько дней женщину нашли убитую недалеко отъ дороги, ведущей изъ этой деревни въ другую. Преступникъ скоро былъ открытъ. Онъ на первомъ же допросѣ сознался и разсказалъ, что убійство совершилъ изъ боязни быть вмазаннымъ въ чело. Онъ боялся тѣхъ мукъ и корчей, которыя, по его убѣжденію, должны были начаться съ нимъ послѣ вмазыванія, и рѣшился предупредить. Онъ три дня караулилъ сосѣдку и, наконецъ, покончилъ съ ней, когда она поздно вечеромъ возвращалась домой изъ сосѣдней деревни. Каторга для него лучше была. «По крайности я здоровъ буду», говорилъ онъ спокойно на судѣ.

Одна женщина украла у другой нѣсколько кусковъ холста. Потерпѣвшая знала воровку и просила ее возвратить украденное, но та заперлась. Тогда она пригрозила вмазываніемъ. У воровки на другой же день начало судорогами сводить руки и ноги, и она сама покаялась въ кражѣ и указала, гдѣ спрятаны украденныя полотно. Болѣзнь прекратилась.

Понятно, что далеко не на всякаго можетъ дѣйствовать устрашеніе; другого и самого вмазать въ чело, такъ и то корчить не будетъ.

Въ убійствахъ, имѣющихъ загадочный характеръ, иногда сами крестьяне, до прибытія слѣдственной власти, отыскиваютъ убійцу. Для этого заставляютъ поцѣловать пятку у убитаго. Если ни на кого не падаетъ подозрѣніе, тогда пятку цѣлуютъ всѣ собравшіеся крестьяне деревни. Когда является сильное подозрѣніе, но преступникъ не сознается, тогда прямо его и принуждаютъ цѣловать пятку. Если цѣлуетъ покойника не причастный къ дѣлу, то трушъ лежитъ спокойно, а если поцѣлуетъ виновный, тогда покойникъ даетъ знать: у него, по убѣжденію крестьянъ, задрожать руки или ноги, можетъ весь зашевелиться, а случается, какъ они говорятъ, что покойникъ вскакиваетъ, хватается убійцу и душитъ его.

10 лѣтъ тому назадъ въ дер. Б. Уломской волости на другой день небольшого мѣстнаго праздника на улицѣ, посреди деревни, былъ найденъ убитымъ мѣстный крестьянинъ; у него былъ раскрытъ черепъ; тутъ же лежалъ и колъ, орудіе преступленія. Ночью по деревнѣ съ пѣснями и гармониками ходили мѣстные пьяные парни. А убитый былъ поставленъ для ночного караула. Естественно, что подозрѣніе въ преступленіи пало на ребятъ, а ихъ было человѣкъ 15. Они не признавали себя виновными, но боялись суда и ответственности, а потому сами потребовали, чтобы обнаружить виновника, цѣлованія покойника въ пятку. Мужики согласились, и обрядъ начался. Каждый подходившій крестился, шепталъ что-то себѣ подъ носъ, глядѣлъ на покойника и цѣловалъ его въ пятку.

Всѣ гулявшіе и заподозрѣнные совершили этотъ обрядъ, но никто изъ нихъ не обнаружилъ особенныхъ признаковъ страха, и убитый лежалъ спокойно. Тогда потребовали, чтобы и другіе парни продѣлали тоже. Дошла очередь до одного смирнаго молодца, на котораго никто и подумать не могъ. Парень пошелъ было, но потомъ вдругъ остановился. Ему показалось, какъ онъ говорилъ послѣ, что убитый сталъ шевелить бровями и пальцами на рукахъ. Всѣ взоры устремились на убійцу и отъ него уже строго потребовали исполненія обряда. Парень блѣднѣлъ, дрожалъ, но не подходилъ. Его взяли подъ руки и насильно повели. Тогда онъ уже не могъ вытерпѣть и закричалъ дрожащимъ голосомъ: оставьте, „отпустите! я убилъ!“ Искоторые крестьяне говорили что они сами видѣли, какъ у покойника открылись глаза и глядѣли прямо на убійцу, когда его подводили къ трупу. А какъ только убійца сознался, глаза тихо закрылись. Оказалось послѣ слѣдующее: парень—убійца днемъ былъ пьянъ, а вечеромъ легъ спать. Ночью онъ услышалъ гармонику и пѣсни и подумалъ снова идти гулять. Но пока онъ обувался, ребята ушли. Онъ пошелъ за ними въ другой конецъ длинной деревни. Его остановилъ ночной караульный и потребовалъ, чтобы парень воротился домой. Тотъ, понятно, не хотѣлъ послушать, и между ними завязался споръ, а потомъ и драка. Сторожъ ударилъ парня колотушкой, а тотъ схватилъ подвернувшійся колъ и такъ ловко хватилъ противника по головѣ, что у того черепъ раскололся. Онъ ткнулъ еще замертво упавшаго сторожа коломъ въ голову и пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, домой. Никто происшедшаго и не слышалъ, и не видалъ. Такъ и остался бы убійца не открытымъ, если бы не обрядъ цѣлованія пята.

Три года тому назадъ на святкахъ былъ убитъ крестьянинъ дер. К. Трупъ ночью привезли къ с. У. и выбросили на дорогѣ. Его нашли утромъ. Дали знать становому, но его не было дома. Тогда волостной старшина съ понятыми пошли въ деревню, изъ которой былъ убитый, и стали производить у всѣхъ повальный обыскъ. У одного старика крестьянина оказались всѣ въ крови развалъни. При дальнѣйшемъ обследованіи нашли много крови на дворѣ. Полъ въ избѣ былъ вымытъ, но слѣды кровяныхъ пятенъ кое-гдѣ были замѣтны. Въ крови оказался и топоръ. Всѣ были убѣждены, что преступленіе совершилось здѣсь, только никто не могъ понять причинъ, вызвавшихъ это безцѣльное преступленіе. Подозрѣваемый былъ старикъ, лѣтъ 60, скромный и зажиточный, жилъ онъ со своей снохой, тоже скромной и тихой бабой. Убитый былъ бездомный горбатый крестьянинъ, проживавшій у одного набожнаго мужика. Кормился онъ больше въ нашемъ селѣ, а ночевать ходилъ въ К. Наканунѣ смерти онъ у священника поужиналъ, а у меня ему дали кусокъ пирога на завтракъ къ слѣдующему дню. Ночевалъ въ домѣ, гдѣ обыкновенно проживалъ: утромъ въ 5 часовъ ушелъ куда-то, а на слѣдующее утро его нашли уже мертвымъ, вывезеннымъ къ нашему селу. На всѣ допросы обвиняемые упорно запирались, а улики, въ видѣ слѣдовъ крови, объясняли другими причинами. Тогда сосѣди рѣшили заставить ихъ цѣловать пята у убитаго. Но такъ какъ въ этотъ день уже было поздно, то процедуру отложили до слѣдующаго дня. Убійцы такъ испугались предстоящаго испытанія, что въ 4 часа слѣдующаго утра явились къ священнику на исповѣдь. Тотъ узналъ тайну на исповѣди, но въ то же время далъ совѣтъ во всемъ признаться, что они и сфабриковали. Въ роковое утро крестьянинъ рано уѣхалъ въ другую деревню. Сноха осталась дома и стала блины печь. Въ это время приходитъ къ ней горбунъ и сталъ просить у

ней блиновъ. Та блиновъ не дала, а еще обругала его. Онъ не стерпѣлъ и толкнулъ ее ногою въ животъ. Баба была беременна, она схватила топоръ и ударила его лезвиемъ по головѣ. Горбунъ палъ. Она еще со всей силыхватила его два раза по головѣ, а потомъ сволокла на дворъ. Въ это время прѣхалъ свекоръ. Сноха все рассказала ему. Онъ взвалилъ убитаго на дровни и повезъ къ селу, а она стала полъ мыть. Сознаться преступниковъ побудило не угрызение совѣсти, не боязнь отвѣтственности передъ судомъ, а страхъ передъ самимъ убитымъ, когда ихъ заставятъ цѣловать пята у него. Бабѣ представлялось, что убитый горбунъ скочить ей на плечи и не отстанетъ отъ нея. На судѣ оба обвиняемые были оправданы.

(Новг. г. Черепов. у., с. Улома).

В. Антиповъ.

Остатки умыканья.

Довольно рѣдкій случай возбужденія обвиненія въ уголовномъ преступленіи, тогда какъ, по разслѣдованіи дѣла, оказалось, что обвиняемые поступали согласно издавна практиковавшемуся мѣстному обычаю, имѣлъ мѣсто въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. Дѣло, согласно отчету, помѣщенному въ „Волг.“, происходило такъ. У крестьянина Сергѣя Ерофѣева была обнаружена пропажа процентныхъ бумагъ, денегъ и вещей на сумму свыше 3,000 руб. и вмѣстѣ съ тѣмъ пропала и дочь. Все это, т.-е. какъ дочь, такъ и имущество, нашлось у кр. Семена Гурылева, въ соседней деревнѣ, причемъ въ кражѣ денегъ Гурылинъ не сознался, утверждая, что онъ, по уговору съ дочерью потерпѣвшаго, желавшей выйти за него замужъ, принялъ отъ нея ночью на 14 августа только имущество, составлявшее ея приданое. Потерпѣвшій тѣмъ не менѣе возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ дочери и всей семьи жениха, утверждая, что сватовства между ними, Ерофѣевыми и Гурылевыми, никакого не было, хотя его дочь и гуляла раньше съ Семеномъ. На судѣ выяснилось, что подобнаго рода кражи, очевидно какъ отголосокъ древняго обычая „умыканія“, случаются въ этой мѣстности довольно часто и называются „кражами невѣстъ“. Вотъ какъ происходитъ дѣло.

Сначала паренъ и дѣвушка вмѣстѣ гуляютъ. Затѣмъ паренъ предлагаетъ ей выйти за него замужъ; дѣвица соглашается и сообщаетъ объ этомъ своей матери. Последняя потихоньку отъ всѣхъ съ дочерью начинаетъ складывать все приданое и когда оно будетъ готово, женихъ выбираетъ удобный моментъ, прѣзжаетъ къ дому невѣсты и увозитъ ее съ приданнымъ къ себѣ въ домъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ уже родители жениха. Послѣ этого начинаются поиски невѣсты и когда послѣднюю найдутъ, то свадьбы все-таки еще скоро не бываетъ, потому что родители невѣсты показываютъ недѣлю двѣ, а то и три, что они сердятся. Спустя уже этотъ срокъ, присылаютъ кого-нибудь изъ родныхъ къ дочери, чтобы она съ женихомъ ѣхала къ нимъ просить прощенья, а затѣмъ въ этотъ же день обыкновенно и бываетъ вѣнчаніе. Случается, что невѣста, кромѣ приготовленнаго ей приданого, успѣваетъ взять изъ дома отца и еще что-нибудь.

Присяжные засѣдатели послѣ непродолжительнаго совѣщанія всѣмъ подсудимымъ вынесли оправдательный вердиктъ.

(“Нов. Время“ 1904 г., 24 іюня № 10114).